

63.3/2/51

B11

СА-395355

В ЦАРСКОМ КРУГУ

Воспоминания Фрейлин
дома Романовых

Анна Тютчева. Александра Толстая.
Барвара Јоловина. Роксана Эдлинг.
Мария Муханова. Мария Фредерикс.
Мария Таткуль

СОДЕРЖАНИЕ

СА - 395355

В ЦАРСКОМ КРУГУ

Воспоминания Фрейлин дома Романовых

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Варвара Головина	8
Роксана Эдлинг	96
Мария Муханова	147
Анна Тютчева	168
Александра Толстая	275
Мария Фредерикс	411
Мария Паткуль	465

ПРОЛОГ

Этим женщинам была отведена скромная роль фрейлин при царствовавших семьях. Они добросовестно ее исполняли, трепеща перед августейшими особами, осознавая степень доверия к себе.

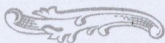
В России фрейлины появились в Петровскую эпоху. Во фрейлины попадали образованные девушки, с хорошими манерами, чьи родители были известны при дворе.

Каждая царская семья имела по несколько фрейлин, обязанности между которыми были строго распределены. Одни из них были в свите, другие сопровождали на балы, третьи были приставлены к детям. Все они служили верой и правдой своему государю и государыне, стараясь запомнить важные события, поступки царствующих особ. Те из них, кто владел пером, а таких было немало, оставили после себя записки, с тем чтобы потомки смогли из первых рук узнать об эпохе, в которую они жили, и прежде всего о государе и государыне, которым они служили. Конечно, они не могли быть беспристрастны в своих симпатиях и антипатиях, но ведь и историки зачастую рисовали действительность в угоду существовавшему режиму.

Эти женщины не брали на себя никаких обязательств, они просто вели записи для себя и своих близких.

Читателям уже известны дневники Вырубовой, воспоминания Смирновой-Россет и других.

В настоящем издании собраны воспоминания особ малоизвестных, чьи записи не уступают, а во многом и превосходят уже опубликованные материалы. По-разно-

му сложились их судьбы и отношения с царствовавшими особами, по-разному они и воспроизвели события, свидетелями которых являлись. В основном все материалы, выдержки из которых мы предлагаем вниманию читателей, были напечатаны в журналах прошлого века, таких как «Русский архив», «Исторический вестник», и не выходили отдельными изданиями.

ВАРВАРА ГОЛОВИНА

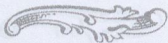
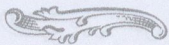
1766—1821

Фрейлина Высочайшего двора

В жизни наступает время, когда начинаешь жалеть о потерянных мгновениях первой молодости, когда все должно бы нас удовлетворять: здоровье юности, свежесть мыслей, естественная энергия, волнующая нас. Ничто нам тогда не кажется невозможным; все эти способности мы употребляем только для того, чтобы наслаждаться различным образом; предметы проходят перед нашими глазами, мы смотрим на них с большим или меньшим интересом, некоторые из них поражают нас, но мы слишком увлечены их разнообразием, чтобы размышлять. Воображение, чувствительность, наполняющие сердце, душа, по временам смущающая нас своими проявлениями, как бы заранее предупреждая, что это она должна восторжествовать над нами; все эти ощущения беспокоят нас, волнуют, и мы не можем разобраться в них.

Вот приблизительно что я испытала, вступив в свет в ранней юности.

Я встречала более роз, чем шипов, на жизненном пути. Их разнообразие и богатство, казалось, умножались передо мной. Я была счастлива. Частое счастье гонит прочь равнодушие и располагает нас с участием относиться к счастью других. Несчастье же набрасывает пелену печали на предметы, его окружающие, и постоянно удерживает наше внимание на наших собственных страданиях, пока Бог в бесконечной Своей милости не откроет новый путь нашим чувствам и не смягчит их.

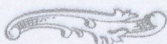
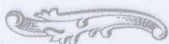

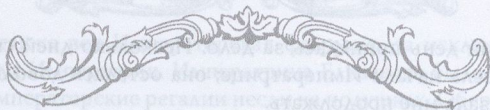

«Портрет графини Варвары Головиной».

Художник Элизабет Виже-Лебрен.

Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына (1766–1819) — мемуаристка и художница, любимая племянница И. И. Шувалова, приближенная императрицы Елизаветы Алексеевны

РОКСАНА ЭДЛИНГ

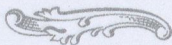
Урожденная Струза

1786—1844

Фрейлина Высочайшего двора

Иноземка по происхождению, 19 лет от роду, я предоставлена была собственным силам, и некому было руководить мною при вступлении в большой свет. Я чувствовала, что, не имея ни покровительства, ни богатства, ни замечательной наружности, я должна играть скромную роль. Душа моя была слишком удручена, чтобы искать иной. Я не покинула родительского дома, и вся моя служба ограничивалась появлением при дворе раз или два в неделю. Матушка, хотя и не в силах была выезжать со мною в свет¹, в это время несколько поуспокоилась и старалась развлечь нас. Мы радовались развитию и успехам младшего брата и сестры. К нам собирались его товарищи и ее подруги, и непорочная веселость их отвлекала нас от наших воспоминаний. Брат на пять лет меня моложе. Я чувствовала к нему что-то вроде материнской нежности и всячески пеклась о нем. Мое участие к нему началось с самого его рождения; наклонившись над его колыбелью, я долго на него смотрела, и то невыразимое ощущение, которое я тогда испытала, осталось во мне живо и неизменно. У меня с ним была одна кормилица. Эта превосходная женщина в то время еще была при нас. Ее приверженность, ее нежная заботливость, ее святые молитвы, конечно, имели великое влияние на судьбу нашу.

¹ Незадолго до этого она потеряла старшего сына. — *Прим. сост.*

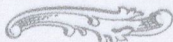
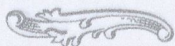

Я с горестью заметила, что наша семья оставалась чужою в России и что брат мой и сестра не будут иметь кровительства при вступлении в свет, если я не наживу себе благоприятелей. Для этого была у меня довольно верная сметка, благодаря которой всегда и во всех странах я осваивалась с приемами общежития. К этому присоединялись откровенность, благожелательство и простота в обращении. Я никогда не совалась вперед, но нередко привлекала к себе внимание удачным словом, движением, взглядом, и предоставляла наблюдателю заслугу оценивать меня. Вот все искусство, к которому я прибегала при вступлении в свет для снискания уважения и дружбы нужных мне людей. До людей пустых и злых мне никогда не было дела; я избегала их сообщества и не была от того внакладе. Я начала с того, что приобрела расположение старухи графини Ливен, гувернантки императорского семейства, женщины отменного ума, неуклонных нравов и убеждений, умевшей в течение слишком сорока лет оставаться в милости.

Я бескорыстно посещала ее, потому что она мне нравилась, и у нее можно было говорить обо всем. Вскоре я узнала, что она отлично отзывалась обо мне в обществе Императрицы-матери. Великие княжны стали отличать меня, что несколько подняло меня в глазах дворской толпы. Тем не менее я продолжала быть одинокою и искала особу, с которой могла бы являться на придворные праздники и которая служила бы мне поддержкою.

С детства я знала адмирала Чичагова, потому что в бурное Павлово царствование он жил в ссылке по соседству с нашею деревнею. Я подружилась с его женою, которая пользовалась отличной известностью. Обожаемая мужем, нежного здоровья и своеобразная в приемах, она обращала на себя общее внимание. Чичагов был человек замечательного ума. Государь отличал его и желал привязать его к себе, но безуспешно. Будучи горячим поклонником Французской республики и Наполеона, Чичагов не скрывал величайшего презрения к своей стране и своим

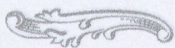

Графиня Роксана Скарлатовна Эдлинг
(урожденная Стурдза; 1786—1844) —

любимая фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны,
близкая подруга и возлюбленная графа Каподистрии,
светская львица одесского общества пушкинской эпохи.

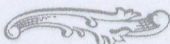
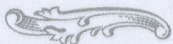
*«Наружностью ее плениться было трудно:
на толстоватом, несколько скривленном туловище была
у нее коровья голова. Но лишь только она заговорит,
и вы очарованы, и даже не тем, что она скажет,
а единственно голосом ее, нежным, как прекрасная музыка».*
(Филипп Вигель)

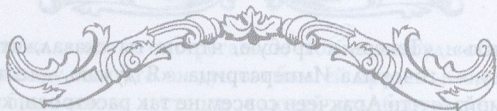

ятым, чтобы мать ее согласилась разлучиться со мною, что это самое говорила она и самому Государю, выражавшему ей неудовольствие против лиц, которые ее окружали, и спросившему ее, отчего она не возьмет к себе меня. Я очень изумилась, узнав от графини Головиной про такой знак уважения ко мне со стороны Государя, который, по видимому, не обращал на меня внимания. Скоро при дворе и в городе узнали, что я определяюсь к Императрице Елисавете, и мне начали завидовать. Я позаботилась предупредить графиню Ливен о перемене в моем положении. Она выразила мне свое огорчение, признавшись, что Императрица-мать поручала ей звать меня к ней. Государыня не скрыла о том от своей невестки, а та была очень довольна, что предупредила свекровь свою. Обстоятельство это льстило моему самолюбию; оно было последствием благоразумного и обдуманного образа действий, и моя будущая повелительница усматривала в нем доказательство моей нераздельной преданности к ее особе.

Решено было, что я переберусь во дворец с наступлением летнего времени, когда Императрица переедет на дачу. Область политики, коей влияние простиралось тогда решительно на всех, приобретала в глазах моих новую заманчивость. Только что отозван был Коленкур, некоторое время надеявшийся, что повелитель его подружится с Россиею, женившись на младшей великой княжне. Любопытно было следить за ходом переговоров об этом деле, наблюдая за более или менее глубокими поклонами и изъявлениями почтительности Французского посла перед молодою едва вышедшею из младенчества княжною, на которую до тех пор никто не обращал внимания. Но императорское семейство, как и все русские, вовсе не желало этого брачного союза; поэтому, когда переговоры прервались, та и другая стороны не сдерживали себя, и Коленкур, откланиваясь, был чрезвычайно смущен, что всех поразило. Он знал о враждебных намерениях Наполеона и наперед уверен был в его торжестве, и, будучи от природы человеком добрым и признательным, не мог подавить

АННА ТЮТЧЕВА

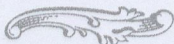
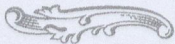
1829—1889

Фрейлина Высочайшего двора

Мне было 23 года, когда я была назначена фрейлиной двора великой княгини цесаревны, супруги наследника русского престола. Это было в 1853 году. Я в то время жила в деревне, в Орловской губернии. Цесаревна никогда меня не видела и согласилась приблизить к себе лишь по просьбе великой княгини Марии Николаевны, которая была очень расположена к моему отцу. Наша семья находилась в то время в обстоятельствах, довольно стесненных. Сестры мои только что вышли из Смольного. Нас было дома три взрослые барышни, кроме того, мачеха имела еще девочку и двух маленьких сыновей. Семья наша, таким образом, была большая, состояние же незначительное, и моей мачехе, иностранке по происхождению, с трудом удавалось при наших ограниченных средствах удовлетворять требованиям петербургской жизни в той среде, к которой мы принадлежали по связям моего отца, но отнюдь не по положению и не по состоянию.

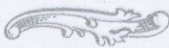
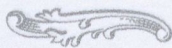
Мой отец всю свою молодость провел в Германии, на дипломатической службе. Он там женился первым браком на моей матери, вдове господина Петерсона, после которого у нее осталось четыре сына. Отец мой имел от нее трех дочерей и потерял ее после двенадцати лет брака. Вторично он женился также на вдове, баронессе Дернберг, и вскоре после этого второго брака вернулся в Россию, где и обосновался.

Я получила воспитание отчасти у сестры моей матери, отчасти в Мюнхенском институте, где провела три го-

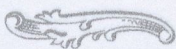
Анна Федоровна Тютчева (1829—1889) —
дочь поэта Ф. И. Тютчева,
фрейлина Высочайшего двора, жена И. С. Аксакова

Княжна Анна Давыдовна Абамелек-Баратынская (1814–1889) —
фрейлина, известная красавица, светская львица,
талантливая поэтесса-переводчица.

По происхождению армянка. Считалась одной
из красивейших женщин России своего времени

АЛЕКСАНДРА ТОЛСТАЯ

(1807—1904)

Фрейлина Высочайшего Двора

Печальный эпизод из моей жизни при дворе

Те, кто встречал в своей жизни множество оазисов и прекрасных пейзажей, не должны жаловаться, если по воле Провидения они однажды окажутся в пустыне.

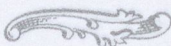
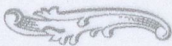
*Авторский эпиграф к эпизоду,
описанному в этой тетради.*

Смотрите в будущее — нет, лучше не заглядывайте туда! Возможно, вас ждет такое горе, что вы даже мысленно не сможете его перенести; Господь и не требует этого от вас; может быть, Он избавит вас от Креста, которого вы страшитесь. Если же Он пошлет вам его, то в тот же час пошлет и такую милость, которой вы не в состоянии не только принять, но и постигнуть сегодня.

Моно

Високосный 1880 год приближается к концу. В самом его начале уже можно было отчасти предвидеть несчастья, ожидавшие нас.

Не имея мужества продолжать мои обычные маленькие заметки, я ограничилась тем, что записала на первой странице совет Моно, так соответствующий нашему положению и тому, о чем я намерена поведать теперь, когда ожидаемые несчастья стали свершившимся фактом.

Новая эпоха открывающаяся перед нами, так необыкновенно горестна, что нужно попытаться описать ее, хотя бы для того, чтобы проследить ее ход.

Понемногу истина, или, по крайней мере, часть ее, начинает вырисовываться из хаоса небылиц и досужей болтовни, внезапно охватившей все классы общества, — естественное следствие событий последних месяцев. Я упомяну здесь лишь о том, что видела сама или слышала из верных источников, будучи по своему положению довольно близкой к лицам, высота положения коих является порукой истинности их сведений. Прожив немало лет в близости к Царской семье, я имела возможность видеть очень многое своими глазами, но всегда бывает нелишним проверить себя и справиться у тех, кто внушает доверие. Наши личные суждения так часто зависят от впечатлений, что нельзя полагаться на них полностью, даже когда мы пытаемся говорить только правду.

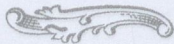
Моя настоящая цель — рассказать подробнее о событии столь жестоком, сколь и захватывающем благодаря тому, что участниками его оказались самые высокие лица. Никто из нас не может похвалиться тем, что держит в руках все нити, но когда-нибудь этот рассказ может быть дополнен другими, которые, вероятно, записываются теперь, как и мой, в неизвестных уголках, и все вместе они послужат необходимыми материалами для профессиональных историков.

Прошло всего несколько месяцев после кончины нашей Государыни¹.

Сердечная рана еще чересчур жива, и я дрожу при мысли, что к ее святому имени придется присоединить и другое имя, которое очень часто я буду вынуждена упоминать...

Трагизм этой истории заключается в том, что оба имени так тесно переплетены одно с другим, что нет возможности их разъединить, несмотря на то что в нравственном отношении они представляют полный контраст.

¹ Она скончалась 22 мая 1880 года.

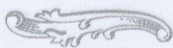

Графиня Александра Андреевна Толстая (1817–1904) — камер-фрейлина русского императорского двора (с 1881 года), старейшая придворная дама при дворе императора Николая II.

Кавалерственная дама ордена Святой Екатерины.

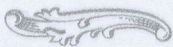
Известна как двоюродная тетушка Льва Николаевича Толстого, с которым состояла в многолетней переписке и о котором оставила воспоминания

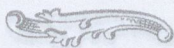
Ольга Федоровна с сыном Сергеем. 1870-е гг.

Ольга Федоровна (урожденная Цецилия Августа, принцесса и маркграфиня Баденская; 1839—1891) — российская великая княгиня, супруга великого князя Михаила Николаевича

Император Александр II
и императрица Мария Александровна

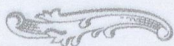

Александра Андреевна Толстая. 1880-е гг.

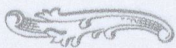
«...Эта женщина сумела сохранить на этой высоте все лучшие духовные стороны человека: выдающийся ум, разностороннее образование и солидную эрудицию, — все это у нее соединялось с неизменной приветливостью, бесконечною добротою сердца и чуткой отзывчивостью на все скорби родины».

(Иван Захарьин)

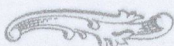
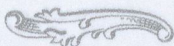

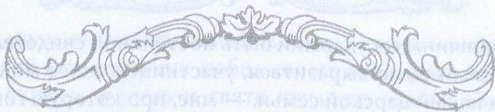
Княжна Екатерина Михайловна Долгорукова,
с 1880 г. светлейшая княгиня Юрьевская (1847–1922) —
с 1880 года вторая,morganaticкая, супруга императора
Александра II; до того, с 1866 года, его фаворитка

Александр II сmorganатической супругой Екатериной Долгоруковой-Юрьевской и детьми Георгием и Ольгой

МАРИЯ ФРЕДЕРИКС

1832—1897

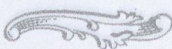
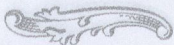
Фрейлина Высочайшего двора

Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс

(Посвящается другу детства

*Его Императорскому Высочеству Великому Князю
Михаилу Николаевичу)*

Пишу свои «воспоминания», считая как бы нравственным долгом своим оставить после себя точное и правдивое описание царской семьи прошлого времени, которой мое семейство и я сама обязаны всем. Так как в настоящее время уже много начинают говорить в печати о незабвенных наших в бозе почивших императоре Николае Павловиче и императрице Александре Федоровне, память о которых так живо еще представляется в сердце каждого из тех лиц, которые их близко знали и искренно любили, но которых, увы! уже весьма немного остается на свете, — мне пришла мысль теперь же ознакомить публику, интересующуюся прошлым, с семейным бытом императора Николая I и его августейшей супруги, императрицы Александры Федоровны — этой необыкновенной по милости и доброте своей государыни, представляющей действительно нечто выходящее из ряда вон и которую новые поколения совсем не знают и совершенно ложно судят о ней по фальшивым рассказам, появляющимся иногда на ее счет. А кому, как не мне, хорошо знать семейный быт царской семьи того времени и отношения ее к окружающим лицам, — мне, которой Бог привел с самого раннего детства

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**